

А.В. Павроз, канд. полит. наук, ст. преп. кафедры политического управления факультета философии и политологии Санкт-Петербургского государственного университета*

СОИСКАНИЕ РЕНТЫ КАК КАТЕГОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Настоящая статья посвящена вопросам возможности использования категории соискания ренты для анализа политических процессов. В статье раскрываются базовые положения теории извлечения ренты и ее методологический потенциал для политического анализа; демонстрируются возможности применения категории соискания ренты для исследования политических процессов в демократически развитых и трансформирующихся обществах.

Ключевые слова: рента, соискание ренты, группы интересов, лоббизм, потери общественного благосостояния, олсонианская парадигма общественно-политического развития, транзиторная рента.

This article is devoted to the questions of possibility to use the rent-seeking category for analysis of political processes. In the article reveal the basic points of rent-seeking theory and its methodological potential for political analysis. The article shows the abilities to use rent-seeking category for research of political processes in advanced democracy countries and in transformation societies.

Key words: rent, rent-seeking, interest groups, lobbying, welfare costs, olsonian paradigm of social-political development, transitory rent.

Категория соискания ренты (rent-seeking) была введена в научный оборот на рубеже 60–70-х гг. XX века (Kueger, 1974; Tullock, 1967; Таллок, 2004) и в настоящее время стала одним из основополагающих понятий политико-экономического анализа хорошо известной и получившей широчайшее признание школы общественного выбора (Mueller, 2008; Perspectives on Public Choice, 1997).

Данная категория и соответствующая ей теория (теория извлечения ренты — rent-seeking theory) были призваны объяснить политико-экономическую мотивацию и механизмы получения прибыли, превышающей конкурентный уровень посредством давления на органы государственной власти и участия в политическом процессе. Подведя базу микроэкономического анализа под такие явления, как коллективные политические действия, групповое давление, лоббизм и пр., указанный подход открыл новые возможности для исследования политических институтов и процессов.

Вместе с тем, несмотря на колоссальный эвристический потенциал, категория соискания ренты и теория извлечения ренты гораздо

* Павроз Александр Васильевич, тел.: 8 (812) 317-91-79, e-mail: sash79@rambler.ru

чаще используются экономистами, нежели политологами. В особенности данная ситуация характерна для российской науки.

В этой связи целью настоящей статьи является раскрытие базовых положений теории извлечения ренты и демонстрация методологического потенциала ее использования для анализа политических процессов в демократически развитых и трансформирующихся обществах.

Соискание ренты: базовые положения теории и проблемы олсонианской парадигмы социально-политического развития в странах Запада

Категория соискания ренты возникла для обозначения специфической деятельности отдельных экономических субъектов, направленной на получение необоснованных привилегий (а как следствие — внерыночной прибыли) за счет влияния на процессы формирования государственной политики.

Главные положения теории извлечения ренты были разработаны Г. Таллоком на основе переосмысления традиционных представлений о монополии и могут быть пояснены с помощью нижеприведенного графика (рис. 1).

На указанном графике, отражающем положение на рынке в конкурентной и монополистической ситуации, по оси абсцисс отмечен объем продаж некоторого товара, по оси ординат — его цена. В конкурентных условиях прямая PP характеризует уровень издержек и цену товара, а кривая спроса DD показывает, что в данных условиях по цене P будет продано Q товара. В монополистической ситуации положение меняется — объем продаж составляет Q' при цене P' . Традиционная теория монополии указывает, что чистые потери благосостояния общества при переходе от конкурентного к монополистическому состоянию рынка равны площади заштрихованного треугольника, представляющего накопленную сумму превышения предельной ценности над предельными издержками, в то время как площадь закрашенного прямоугольника рассматривается как объем ресурсного трансферта от потребителей к монополисту, не связанный с потерями благосостояния социума в целом. Подвергая вышеприведенную теорию критике, Г. Таллок справедливо отмечает, что ее выводы опираются на предположение о беззатратном характере возникновения монополий, в то

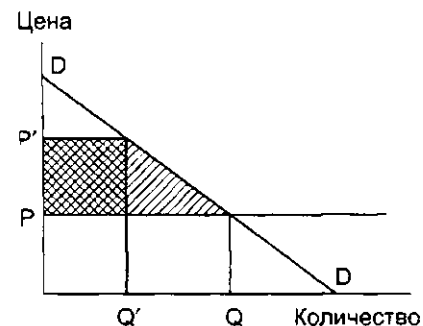

Рис. 1. Потери от извлечения ренты

время как на практике их создание предполагает использование большого количества ресурсов: бизнесмен, стремящийся к получению прибыли, будет затрачивать свои ресурсы для установления монополии до тех пор, пока последний доллар, инвестируемый в этот проект, не будет приносить в точности один доллар прибыли за счет увеличения вероятности установления монополии, в связи с чем объем расходов будет соответствовать всей площади закрашенного прямоугольника (Таллок, “Потери благосостояния...”, “Соискание ренты”, 2004).

Таллоковский анализ, сфокусировав внимание на экономическом обосновании стремления к получению ренты и обозначив предельные затраты одного субъекта на ее извлечение, продемонстрировал, что общественные потери от рентоориентированной деятельности значительно выше, чем принято было считать. Причем сущность вопроса заключается в том, что потери благосостояния общества обуславливаются не столько издержками от самой ренты в виде тех или иных монопольных прав, сколько отвлечением значительного количества ресурсов в борьбу за получение ренты.

Отмечая, что данные затраты являются функцией величины ожидаемых трансфертов, Г. Таллок подчеркивает, что потери от монополии должны измеряться в зависимости от того, сколько усилий было вложено в ее получение как победителями, так и проигравшими. При этом он проводит аналогию с лотереей, где стоимость пула ставок измеряется стоимостью не выигравшего билета, а всех билетов (Таллок, “Потери благосостояния...”, 2004, с. 447–448), и поясняет свою мысль целым рядом конкретных примеров: в Вашингтон прибывают десять лоббистов, представляющих интересы десяти различных ассоциаций, причем каждый из них на протяжении двух лет расходует по миллиону долларов в надежде побудить Конгресс предоставить соответствующей ассоциации монопольный статус, и хотя лишь один из этих лоббистов добьется цели, общая стоимость монополии окажется равной 10 млн долл.; взимаемый с субъекта А налог, поступления от которого планируется передать субъекту В, обуславливает лоббистскую деятельность в пользу налога со стороны В и против налога со стороны А, при этом общая сумма ресурсов, потраченная обоими субъектами в процессе лоббистской деятельности, вполне может быть равна совокупной сумме трансферта (или сумме, трансферт которой удастся предотвратить), хотя тот или другой из этих лоббистов будет в выигрыше, если его усилия окажутся успешными (Таллок, “Соискание ренты”, 2004, с. 743–744).

Таким образом, разработанная Г. Таллоком концепция раскрыла истинную природу политической ренты и подвела базу экономического анализа под процесс ее присвоения, продемонстрировав реальный объем потерь общества от лоббирования с целью получения внеконкурентного дохода.

В дальнейшем теория политической ренты была развита в трудах многих исследователей (Дж. Бьюкенена, С. Медемы, Р. Толлисона

и др.), сфокусировавших внимание широкой научной общественности на изучении “непроизводительной деятельности индивидов, стремящихся перераспределить богатство под эгидой государства” (Samuels, Mercurio, 1984, p. 55). Принципиальным положением в этой связи является разграничение “стремления к извлечению прибыли” и “стремления к извлечению ренты”. Первое означает использование возможностей рынка для максимизации собственных доходов посредством производства большего количества благ при данных затратах или того же количества благ при меньших затратах. Второе представляет собой расходование ресурсов на получение искусственно созданных доходов, приобретаемых посредством государственного перераспределения (монополии, особые права и т. д.). В первом случае получение дохода порождает положительные, во втором — отрицательные социальные последствия, т. е. индивиды действуют либо производительно в рамках существующих прав собственности (внедряя новые технологии, увеличивая масштабы производства, оперативно реагируя на ценовые сигналы и т. д.), либо непроизводительно — добываясь пересмотра прав собственности в свою пользу (требуя от государства ограничить доступ конкурентов, установить повышенные цены на производимую ими продукцию или пониженные цены на используемые факторы производства и т. д.). В первом случае конкуренция между индивидами способствует повышению производительности общества, во втором вызывает стагнацию, выражаясь в борьбе за перераспределение преимущественных прав на пользование искусственно созданной редкостью (Бьюкенен, 1995; Медема, 1995; Samuels, Mercurio, 1984).

Важным постулатом теории извлечения ренты является также констатация того, что подобное стремление имеет тенденцию развиваться в геометрической прогрессии. Дж. Бьюкенен отмечал, что расходы на удержание монопольных прав со стороны рентополучателей порождают в качестве ответной реакции расходы их потенциальных конкурентов на разрушение входных барьеров, что в свою очередь повышает уровень затрат со стороны монополистов и т. д. При этом нарастание данного процесса происходит не только по горизонтали, но и по вертикали, создавая три уровня присвоения ренты. Первый уровень составляют производители, которые инвестируют средства в приобретение для себя льготных условий деятельности. Наличие производителей, готовых платить за получение исключительных прав, делает привлекательной работу чиновников, что неизбежно ведет к возникновению аналогичной конкуренции за ренту в органах государственной власти и управления. Наконец, третий уровень присвоения ренты связан с распределением средств, собранных государством в результате той или иной его деятельности. На этом уровне разворачивается конкуренция за право являться получателем государственных субсидий, дотаций, кредитов и т. д. (Бьюкенен, 1995).

Таким образом, концепция соискания ренты на уровне микроэкономического анализа объясняет закономерности олсинианской парадигмы общественно-политического развития, сущность которой заключается в постулировании неспособности общества прийти к рациональной и эффективной экономике на основе всесторонних переговоров между всеми его сегментами (Олсон, 1995) и в выявлении объективно деструктивной социальной роли групп интересов, деятельность которых, в подавляющем большинстве случаев ориентированная не на увеличение продукта, а на борьбу за распределение дохода, ведет к снижению темпов экономического роста, уменьшению «эффективности и совокупного дохода общества», порождает политические разногласия, вызывает усложнение системы регулирования, увеличивает роль государства и изменяет «направление социальной эволюции» (Олсон, 1998, с. 67—123).

Важно подчеркнуть не только и не столько абстрактно-теоретический, но прежде всего прикладной эвристический характер концепции соискания ренты. Именно укорененная практика ее извлечения и рентоориентированное общественно-политическое устройство в значительной степени определили сложность проблематики кризиса государства всеобщего благосостояния в экономически развитых странах, сущность которого не сводится к избыточному государственному регулированию или чистым потерям при перераспределении ресурсов от богатых к бедным, но в своей критической массе детерминирована тем обстоятельством, что «призыв к «социальной справедливости», изначально направленный на защиту самых обездоленных, был подхвачен многими группами, члены которых считали, что получают меньше, чем, по их мнению, они заслуживали», и концепция «социальной справедливости» превратилась в «предлог для требования привилегий» (Хайек, 2006, с. 306).

В результате переход западных государств от исполнения ограниченного набора базовых функций к активной перераспределительной политике побудил множество социальных групп вступить в борьбу за получение ренты, процесс и издержки которой предопределили истинное содержание и масштаб кризиса государства всеобщего благоденствия, ставшего «игрушкой в руках организованных интересов» (Хайек, 2006, с. 6). В. Ойкен следующим образом описал данную трансформацию: «именно вследствие тесного переплетения с экономикой государство утрачивает самостоятельность в формировании политической воли, на чем базируется его собственное существование. Его действия становятся зависимыми от воли экономических групп, которым оно все больше служит в качестве инструмента. Верно, конечно, что нынешнее государство, выступая арбитром в трудовых конфликтах и определяя рабочее время, решающим образом предопределяет размеры заработной платы миллионов людей, однако это государство <...> действует не столько по собственной воле, сколько под давлением групп интересов. Вся экономическая политика Но-

вейшего времени четко отражает этот процесс разложения. Она распадается на множество мер, каждая из которых объяснима желаниями той или иной могущественной хозяйственной группы, но в целом они не обнаруживают ни единой идеи, ни единой воли, а напротив, демонстрируют полную бессистемность. Экономическое государство в своей политике как раз и ограничивается в большинстве случаев тем, чтобы согласовывать и выполнять требования могущественных групп, от которых оно зависит. Реализовывать же собственный государственный интерес оно в состоянии лишь изредка. Власть государства подчинена, таким образом, не только его собственной воле, а в значительной степени воле заинтересованных групп, и самые лучшие чиновники не способны в сущности ничего изменить. Пятьдесят лет назад государство было сдержанным в применении властных средств, но свою волю оно формировало самостоятельно. Сегодняшнее же государство, наоборот, заботится о всяких мелочах и неослабно применяет власть, но истинная самостоятельность его воли отсутствует» (Ойкен, 2002, с. 17).

Исходя из всего вышесказанного можно сделать справедливый вывод, что вопросы рентоориентированного поведения занимают одно из ведущих мест в проблематике социально-экономического развития стран Запада, и категория соискания ренты представляется необходимым инструментом для анализа политических процессов в указанных государствах.

Проблема соискания ренты в условиях транзитивных политико-экономических систем

Не менее, а может быть и более актуальным является использование категории соискания ренты для анализа политического процесса в трансформирующихся обществах.

Основопологающей работой, в которой был применен подобный подход для исследования социально-политических транзитов, стала статья Дж. Хеллмана «Победители получают все. Политика частичных реформ в посткоммунистических странах» (Hellman, 1998). Особенности рыночных преобразований в данной статье объясняются с точки зрения способностей правительства противостоять давлению предпринимателей-инсайдеров, направленному на стабилизацию извлечения транзитивной ренты в условиях переходной экономики.

Следует отметить, что классические исследования рыночных транзитов в посткоммунистических странах по преимуществу исходили из анализа издержек и выгод от реформ для общества в целом (модель J-кривой), указывая, что экономические реформы в краткосрочной перспективе вызывают трансформационные издержки (падение уровня потребления), а впоследствии начинают приносить выгоды (повышение уровня потребления), обусловленные полноценным началом функционирования механизмов рыночной экономики.

Характер и динамика экономических изменений связывались с выбранной стратегией реформы: радикальный вариант предполагал вначале быстрое и значительное падение, а затем столь же стремительное восстановление траектории потребления (R), в то время как градулистская стратегия подразумевала медленное и не столь значительное, как при радикальном сценарии, снижение траектории потребления (G) со столь же медленным ее возвращением к прежним позициям (рис. 2) (Пшевский, 1999, с. 252–257). При этом считалось, что, поскольку издержки от реформ сосредоточены среди отдельных групп (бывшие чиновники, работники государственных предприятий и пр.), а выгоды, имея качества общественных благ, широко рассеяны в социуме (низкая инфляция, большое предложение товаров и др.), важнейшей предпосылкой успешных рыночных преобразований является ограждение правительства от эффективного давления со стороны проигравших до тех пор, пока выгоды от реформ не создадут достаточной политической базы для их поддержки (Haggard, Kaufman, 1995; *The Political Economy of Policy Reform*, 1994; Islam, Mandelbaum, 1993).

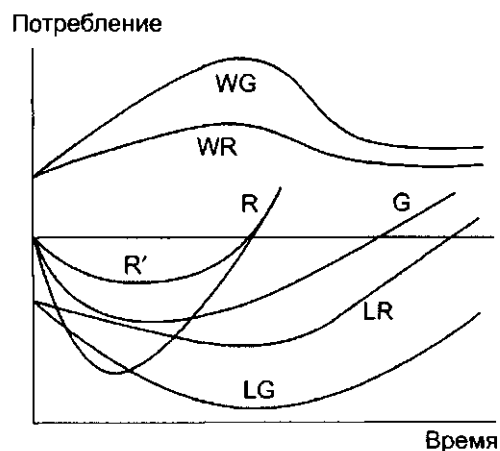

Рис. 2. Победители и проигравшие в рыночных реформах

В статье Дж. Хеллмана последовательно опровергаются все вышеобозначенные постулаты. Прежде всего, сопоставляя на основе международной статистики результаты различных сценариев экономических преобразований, он доказал ложность традиционно выделяемого различия между радикальными и градулистскими моделями, установив, что наиболее всесторонние программы реформ связаны с более низкими издержками переходного периода, чем умеренные или медленные реформы (кривая R', рис. 2). Кроме того, исследователь указал на то, что в краткосрочном периоде издержки от реформ скорее распределяются по всему обществу, а выгоды концентрируют-

ся в руках узкой группы лиц, давление которых, а отнюдь не протестная активность проигравших, становится главным тормозом экономических преобразований в переходных обществах.

Сущность вопроса заключается в том, что рыночные реформы включают в себя множество отдельных элементов (либерализация, приватизация, стабилизация и т. д.), временные лаги между которыми создают возможности для извлечения транзиторной ренты посредством осуществления арбитражных операций между охваченными и не охваченными реформой секторами экономики. Например, либерализация внешней торговли в сочетании с регулированием цен внутри страны приносит колоссальные прибыли экспортерам, свобода ценообразования при исторически сложившемся структурном монополизме дает необоснованные выгоды производителям, утверждение хозяйственной самостоятельности предприятий без реформы кредитно-денежных механизмов позволяет директорам направлять льготные государственные кредиты на краткосрочные денежные рынки под высокий процент и т. д. Осуществлять такие сделки и как следствие — получать значительные внерыночные доходы может лишь ограниченный круг связанных с государством предпринимателей-инсайдеров (директора, банкиры, региональные чиновники и пр.), в то время как издержки от реформ распределяются в достаточной равной степени по всем социальным группам. Причем существует четкая зависимость между масштабом социальных издержек, объемом транзиторной ренты и характером экономических преобразований. Кривые потребления выигравших (W) и проигравших (L) в ходе первого этапа реформ зеркально противоположны друг другу, так как дополнительные, обусловленные экономической деформацией доходы от ренты ведут к неизбежному увеличению издержек для общества в целом. По мере сглаживания деформаций экономического устройства вследствие развития рыночных реформ транзиторная рента постепенно рассеивается, проигравшие получают свою долю прибыли от эффективного функционирования рыночных институтов, а разрыв между кривыми потребления выигравших и проигравших постепенно сокращается. Данная динамика имеет универсальный характер, однако сама конфигурация указанных кривых напрямую определяется характером экономических преобразований: государства, проводящие радикальные, всесторонние реформы, имеют более узкий разрыв между кривыми доходов выигравших и проигравших (кривые WR и LR, рис. 2) в отличие от стран, осуществляющих градулистскую политику преобразований (кривые WG и LG, рис. 2), так как постепенные реформы создают гораздо больше возможностей для извлечения транзиторной ренты, чем и объясняется то, что данный тип реформ предполагает больший объем социальных издержек. В этой связи стратегическая позиция бенефициариев первого этапа рыночных преобразований заключается в попытках с опорой на все имеющиеся у них значительные ресурсы застопорить экономику в

положении частичной реформы, фиксируя приносящие им ренту экономические деформации и возлагая высокие издержки на остальную часть общества. В случае если данным группам удастся навязать правительству свой курс, реформы приобретают затяжной характер, а масштабы транзитной ренты, как и социальные издержки преобразований, — максимизируются. В случае же если правительство, невзирая на давление заинтересованных в извлечении вне рыночных доходов предпринимателей-инсайдеров, последовательно проводит всесторонние реформы, служащие источником ренты экономические деформации достаточны быстро выправляются, создавая условия для эффективного функционирования рыночных институтов (Hellman, 1998, p. 204—205, 218—228).

Опираясь на приведенные выше аргументы, Дж. Хеллман приходит к выводу о том, что важнейшим условием эффективности рыночных реформ является не ограждение государства от давления со стороны проигравших групп, а способность правительства противостоять действительному влиянию нацеленных на соискание ренты и заинтересованных в замораживании экономических диспропорций переходного периода выигравших от реформ предпринимателей-инсайдеров. Ключом к достижению данного результата, по мнению автора статьи, является не столько авторитарная модель реформирования, сколько расширение политического участия и конкуренции (в том числе и с активным включением проигравших групп в процессы выработки политического курса), размывающего рентные доходы и препятствующего удержанию предпринимателями-инсайдерами экономики в состоянии равновесия частичных реформ (*ibid.*, p. 231—234).

Следует сказать, что концепция Дж. Хеллмана обладает мощным эвристическим потенциалом применительно к исследованию обществ, находящихся в состоянии социально-экономических трансформаций. Однако положения данной концепции преимущественно ориентированы лишь на анализ ранних этапов экономической стороны преобразований. В случае же интерпретации идей Дж. Хеллмана в рамках более широкого контекста трансформационной проблематики мы сможем получить достаточно интересные выводы о динамике и закономерностях современных переходных процессов.

Прежде всего, обозначенная концепция рассматривает феномен ренты в контексте двойных посткоммунистических переходов, совмещающих транзиты от командной экономики к рынку и от диктатуры к демократии. Но и преобразование обычных авторитарных режимов, как правило, предполагает определенную структурную перестройку экономики, так как большинство из них имеет фракционный характер и основывается на переплетении экономической и политической власти. Крах подобных авторитарных режимов означает и ликвидацию специфической модели “капитализма для своих” (*Crony Capitalism...*, 2002) с отменой прежних льгот, особых прав, субсидий, монополий и пр., что в свою очередь порождает транзи-

торную ренту, бенефициариями которой практически всегда становятся представляющие новую политическую власть элиты.

Далее концепция Дж. Хеллмана концентрирует внимание на деструктивной с точки зрения минимизации социальных издержек деятельности предпринимателей-инсайдеров, направленной на затягивание рыночных реформ с целью максимально продолжительного сохранения приносящих ренту структурных деформаций экономики. Данная деятельность, безусловно, имеет место и оказывает большое влияние на трансформационные процессы. Однако сущность проблемы, на наш взгляд, заключается в другом — в стремлении групп бенефициариев конвертировать транзитную ренту в ренту постоянную. Дело в том, что транзитная рента вне зависимости от стратегий групповых взаимодействий объективно в течение непродолжительного промежутка времени сходит на нет. Однако в указанный короткий период рента создает значительное ресурсное преобладание группам бенефициариев, которые могут использовать его для долговременного закрепления своего социально-политического господства в новых политико-правовых институтах.

Таким образом, мы получаем универсальную проблему всех демократических переходов: стремление бенефициариев реформ закрепить свое социально-политическое господство посредством деформации зарождающихся рыночных и демократических институтов.

Именно данным фактором, на наш взгляд, в подавляющем большинстве случаев можно объяснить имевшие место в рамках третьей волны демократизации откаты к авторитарным формам правления, а также консолидацию различных полудемократических режимов. Исходя из этого есть основания утверждать, что ключевую опасность демократизации представляют не действия реваншистских сил, а коалиции “победителей” против остального общества.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть высокую эвристическую значимость для политического анализа категории соискания ренты, позволяющей по-новому в широком контексте политико-экономических отношений интерпретировать политический процесс как в развитых демократических странах, так и в трансформирующихся обществах.

Особую актуальность подобный анализ имеет применительно к исследованию социально-политических реалий современной России, где нынешний политический режим представляет собой институционально закрепленное господство “коалиции победителей” трансформационных преобразований 90-х гг. XX в., а рентоориентированное поведение его основных акторов с неизбежностью предопределяет олсинианскую парадигму развития российского общества с дальнейшим разрастанием перераспределительных коалиций и как следствие — деэволюцией социального порядка, уменьшением общественного благосостояния и увеличением политических противоречий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бьюкенен Дж.* Извлечение ренты и извлечение прибыли // Политическая рента в рыночной и переходной экономике. М., 1995. С. 22—24.
2. *Медема С.* Еще один взгляд на проблему извлечения ренты // Политическая рента в рыночной и переходной экономике. М., 1995. С. 35—36.
3. *Ойкен В.* Структурные изменения государства // Теория хозяйственного порядка. М., 2002. С. 17.
4. *Олсон М.* Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз. Новосибирск, 1998.
5. *Олсон М.* Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М., 1995.
6. *Пшевровский А.* Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., 1999.
7. *Таллок Г.* Потери благосостояния от тарифов, монополий и воровства // Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор. Т. 4. СПб., 2004. С. 435—448.
8. *Таллок Г.* Соискание ренты // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М., 2004. С. 741—743.
9. *Хайек Ф.* Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М., 2006.
10. *Crony Capitalism and Economic Growth in Latin America: Theory and Evidence* / Ed. by S. Haber. Stanford, 2002.
11. *Haggard S., Kaufman R.* The Political Economy of Democratic Transitions. Princeton, 1995.
12. *Hellman J.* Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions // World Politics. 1998. Vol. 50. N 2. P. 203—234.
13. *Islam S., Mandelbaum M.* Making Markets: Economic Transformation in Eastern Europe and the Post-Soviet States. N.Y., 1993.
14. *Krueger A.O.* The Political Economy of the Rent-Seeking Society // American Economic Review. 1974. Vol. 64. P. 291—303.
15. *Mueller D.* Public Choice. N.Y., 2008.
16. *Perspectives on Public Choice: A Handbook* / Ed. by D. Mueller. N.Y., 1997.
17. *Samuels W., Mercurio N.* A Critique of Rent-Seeking Theory // Neoclassical Political Economy: The Analysis of Rent-Seeking and DUP Activities / Ed. by D.C. Colander. Cambridge, 1984. P. 56—57.
18. *The Political Economy of Policy Reform* / Ed. by J. Williamson. Washington, 1994.
19. *Tullock G.* The Welfare Cost of Tariffs, Monopolies and Theft // Western Economic Journal. 1967. Vol. 5. P. 224—232.